

А. М. Погорелко, Т. Н. Герасина
Уфа, Россия

СМЫСЛОВЫЕ МАРКЕРЫ ДИСКУРСА ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению способов реализации идеологической стратегии холодной войны в современном западном политическом дискурсе. Источником для анализа послужили высказывания западных политических лидеров, содержащие описание и оценку политических действий России. Целью исследования является раскрытие смыслового содержания оценочных политических формулировок, имплицитирующих характер, степень выраженности и перспективы развития стратегии современного идеологического противостояния. Дискурс политической напряженности, получающий специфическое оформление в текстах знаковых выступлений с 2014 года, содержит явные признаки коммуникативной стратегии конфронтации, соответствующей принципиальным критериям идеологии холодной войны. В роли таких признаков выступают маркеры политического кода, представляющие собой сочетание смыслового содержания акцентуемых в текстах лексических единиц и подтекстовой информации, предполагающей расшифровку с опорой на знание политического контекста. Особой разновидностью политического кода является намеренное включение в данный тип дискурса элементов логического противоречия, заключающегося в эксплицируемом отрицании наличия холодной войны на фоне выраженной негативной оценочности политических формулировок. Импликативность данного кода реализуется во взаимодействии с маскирующими элементами дипломатической риторики, что превращает формальную противоречивость в смягченный сигнал политическому противнику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: холодная война; смысловые маркеры; дипломатический дискурс; политический код.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Погорелко Александр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Башкирский государственный университет; 450074, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; e-mail: Pogorelkoam@rambler.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Герасина Татьяна Николаевна, старший преподаватель кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин, Уфимский институт путей сообщения; 450015, г. Уфа, ул. Карла Маркса, 50; e-mail: FRCFtrans@rambler.ru.

Примечательной особенностью дипломатического дискурса является своеобразная жанровая уступка соблюдению логического закона исключенного третьего. Для языка дипломатии вполне привычно одновременное использование в тексте концептуальных элементов, которые с точки зрения формальной логики должны находиться в отношениях противоречия и противоположности. Такая лингвистическая особенность представляется интересной с точки зрения политической и в целом дискурсивной лингвистики как иллюстрация особого механизма импликации истинной информации, в котором смысловое ударение делается на одной из логически противоположных интерпретаций. В качестве материала для данной статьи была выбрана предметная область, в которой отмеченная выше особенность проявляется особенно ярко — дискурс политического противостояния, резко обозначившийся в отношениях между Россией и Западом с 2014 г. Как мы постараемся показать на примере фрагментов политических текстов, характер этого дискурса, несмотря на дипломатические маскирующие элементы, соответствует идеологической стратегии, известной под термином «холодная война».

Как известно, выражение «холодная война» впервые было использовано в 1945 г. английским писателем Джорджем Оруэллом в статье «Ты и атомная бомба». Дж. Оруэлл предсказывал, что в ситуации, когда ядерным оружием будут обладать две или три поделившие между собой глобальное влия-

ние сверхдержавы, эпоха масштабных военных конфликтов должна будет уступить место «холодной» форме противостояния, которая станет «миром, который не есть мир» [Orwell]. В собственно политический дискурс сочетание «холодная война» попадает двумя годами позже благодаря видному представителю американской элиты, советнику двух президентов, Бернарду Баруху, заявившему в своем обращении к законодательному собранию Южной Каролины, что Соединенные Штаты «находятся в состоянии холодной войны». Образное выражение было подхвачено известным американским журналистом Уолтером Липпманом, который написал на тему нового противостояния ряд статей, вскоре вышедших отдельной книгой под названием «Холодная война. Внешняя политика США» [Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений 2003]. Концептуальный образ политического неологизма оказался настолько удачным, что дискурс идеологической конфронтации быстро сконцентрировался под его смысловой оболочкой, а сам термин стал обозначением более чем 40-летнего отрезка новейшей истории.

Принято считать, что холодная война завершилась в начале 1990-х в результате разворота идеологической траектории развития России, воплотившегося в отказе от коммунистических идеалов и, соответственно, в ожидаемом устранении оснований для идейных противоречий с Западом. В западном общественном сознании прекращение холодной войны стало восприниматься как

победа в политико-экономическом противостоянии над СССР. Достаточно быстро стало очевидным, что холодная война, окончание которой было торжественно объявлено еще в 1989 г. на Мальтийском саммите, оставило неприятное наследство в виде продолжения действий, так или иначе ущемляющих интересы проигравшей стороны. Холодная война, утратив признаки явной идеологической конфронтации, так и не сумела выйти за рамки промежуточного состояния оруэлловского «мира, который не есть мир». Не вдаваясь в выходящие за рамки исследования политические обоснования, обратимся к лингвистическому факту — оценке, зафиксированной в публичном высказывании главы РФ В. В. Путина: «„Холодная война“ закончилась, но не завершилась заключением мира» [Посол США Джон Теффт...].

Современная geopolитическая конкуренция приобрела новые признаки многомерной политической, экономической и культурной борьбы, в которой понятия войны и мира стали размыты и переплетены друг с другом. Как отмечают исследователи современного политического дискурса, «сегодня мир воспринимается не как отрицание войны, а как мир, включающий войну» [Клушкина 2006], а образы врага «очевидным образом никуда не исчезли, они лишь получили новое развитие, превращаясь в подвижный, абстрактный и обобщенный политический конструкт» [Beck 1997]. Лингвистический анализ дискурса такого многопланового противостояния предполагает кропотливое выявление повторяющихся импликаций, завуалированных оценок, показательных опровергений и знаковых ценностных деклараций, будучи при этом осложнен концептуальными маскировками и неочевидными подменами понятий. Тем не менее в определенных обстоятельствах дискурс противостояния способен становиться не просто эксплицитным, но также насыщенным специальными сообщениями, требующими раскодирования политическим оппонентом. Именно такая трансформация дискурса отношений между Россией и Западом произошла на фоне значимых событий смены власти в Украине и присоединения Крыма к РФ. То, что раньше проявлялось лишь косвенно, регулярно камуфлировалось или просто отрицалось, внезапно стало ярко выраженным и даже демонстративным.

Мы постараемся показать, какие элементы политического кода проявились в этом дискурсе и как они стали прорисовывать рельеф той стратегии, которая, как считается, уже осталась в прошлом. Хотелось бы сразу отметить, что новый дискурс не

просто отражает внеязыковую политическую реальность, но и в заметной степени формирует ее. Специфика политического действия заключается в том, что действием становится и само слово, превращаясь не только в факт, но и в активный фактор политической реальности. По словам известного исследователя властного дискурса, Р. М. Блакара, «наша социальная действительность в существенной степени структурируется и определяется языком... Наш контакт с действительностью большей частью социально опосредован, иными словами, в значительной степени опосредован через язык» [Блакар 1987].

Ставя перед собой задачу анализа как эксплицитной, так и подтекстовой информации, мы оказываемся перед необходимостью обращения к экстралингвистическим факторам политического, социокультурного и исторического порядка как необходимым составляющим для раскодирования политических импликаций. По словам А. П. Чудинова, «изучение политического текста и его элементов в дискурсе — это прежде всего исследование степени воздействия на данный текст и на его восприятие адресатом разнообразных языковых, культурологических, социальных, экономических, политических, национальных и иных факторов» [5]. Мы, таким образом, опираемся на методологические установки критического дискурс-анализа, в частности на следующие его принципы:

- Критический дискурс-анализ ориентирован на социальные проблемы. Он рассматривает не язык или использование языка как такового, а лингвистический характер социальных и культурных процессов и структур.
- Дискурсы носят исторический характер, их можно рассматривать только в контексте.
- Условия и контекст необходимо зафиксировать как можно точнее, так как дискурсы можно описать, понять и интерпретировать только в их специфическом контексте.
- Содержание высказывания необходимо сопоставить с историческими событиями и фактами (интертекстуальность) [Тичер, Майер, Водак, Веттер 2009: 198—220].

Следует отметить, что дипломатический тип дискурса идеологического противостояния характеризуется специфическими проявлениями признаков, традиционно выделяемых как индикаторы отношений холодной войны. Такой идеологический инструмент холодной войны, как формирование образа противника, в дискурсе дипломатии будет менее дисфемичен и коммуникативно деструктивен по сравнению с риторикой СМИ, предназначеннной только для адресата

своей страны. Иначе будут проявлять себя и тактические приемы дискредитации, поскольку дискредитация будет уже не только средством «создания образа „Мы-группы“ через очернение противника» [Иссерс 1997], но и директивным сообщением противнику, из которого он должен сделать определенные выводы. Тем не менее, как мы постараемся показать, принципиальные индикаторы оформления образа противника явно присутствуют в анализируемом дискурсе. Согласно одной из известных классификаций таких признаков, для проявляемых в тексте психологических идентификаторов образа врага характерны:

- негативные ожидания. Всем действиям врага в прошлом, настоящем и будущем приписываются деструктивные намерения по отношению к «нашей» группе («Все, что делает враг, или плохо, или — если его действия кажутся рациональными — основано на бесчестных мотивациях»);

- возложение вины на врага. Предполагается, что враг является источником любых негативных факторов, воздействующих на «нашу» группу;

- отождествление врага со злом («Система ценностей врага является отрицанием системы ценностей нашей группы»);

- менталитет «игры с нулевой суммой» («Что хорошо для врага, плохо для нас, и наоборот») [Spillmann, Spillmann 1997].

Отметим, однако, что авторы наделили постулируемые характеристики весьма спорным максимализмом — трудно представить себе, чтобы все без исключения проблемы общества сколько-нибудь логично можно было бы связать с происками врагов. Едва ли убедительны в дискурсе пропаганды мирного времени были бы и утверждения, что все действия противника продиктованы исключительно стремлением причинить вред другому государству.

В наших примерах мы сосредоточим внимание на дискурсе западных политических лидеров. Мы, разумеется, не хотим таким образом сказать, что идеологическая кампания противостояния развертывается исключительно на Западе. Напротив, нельзя не отметить, что риторика российского политического дискурса по отношению к Западу за последние 25 лет никогда не была столь некомплиментарной, как в настоящее время, и непривычная резкость оценок отчетливо проявляется даже в тех вопросах, в которых Россия была подчеркнуто деликатна со временем разрядки холодной войны между СССР и США середины 1980-х. Не означает такой выбор материала и то, что мы задаемся целью обвинения или оправдания какой-либо

из сторон конфликта — эти задачи выходят за рамки лингвистических методов анализа. Мы исходим из того, что западный дискурс более показателен в отношении импликаций холодной войны прежде всего потому, что российский политический нарратив в условиях нового противостояния явным образом уступает инициативу западному. Динамика развития политического кризиса выставлялась таким образом, что слова и действия России почти на каждом шаге усиления напряженности были ситуационным ответом на опережающие действия Запада. Даже присоединение Крыма, которое, как будет показано далее, получило особую концептуальную значимость в политических кодах дипломатии, едва ли состоялось бы иначе чем под жестким давлением обстоятельств, явившихся результатом поддержанного извне перехода власти на Украине к выраженно недружественным России силам.

С этой точки зрения, западный дискурс содержит более концептуально насыщенные импликации, чем реагирующий дискурс российской дипломатии. Как мы постараемся показать, в дискурсе новой идеологической конфронтации закономерным образом проявляют себя смысловые маркеры, раскрывающие три содержательных элемента:

- характер и степень выраженности политической стратегии,

- позиции, которые явным образом обозначаются как источник конфликта и не рассматриваются как предмет уступок,

- наконец, перспективы развития противостояния.

Как было заявлено в начале статьи, мы утверждаем, что современный дискурс политической напряженности в отношениях между Россией и Западом проявляет признаки стратегии холодной войны. Смысловая реализация этой стратегии сопровождается рядом импликаций, расшифровка которых задается логикой дипломатического дискурса во взаимодействии с экстралингвистическими факторами политического контекста. Прежде всего обратим внимание на знаковые дипломатические оговорки, которые встраиваются в дискурс, демонстрирующий явные признаки политической конфронтации. Из этих оговорок — в противоречии с содержанием сопровождающих их резких высказываний — следует то, что никакой холодной войны нет. Политические субъекты всячески стремятся дистанцироваться от отождествления нынешней ситуации с холодной войной. Уверенное отрицание становится ответом на вопросы журналистов, например, в беседе российских корреспондентов с послом США в РФ Джоном Тиффтом (2015 г.):

— Господин посол, находятся сейчас Америка и Россия в состоянии новой «холодной войны» или нет?

— *Nem, не находятся.* Я считаю очень опасным выдергивать термины из истории и использовать их для описания текущего момента. Каждый новый этап в истории кардинально отличается от предыдущего [Посол США Джон Теффт...].

Тот же вопрос уже американского журналиста президенту США:

— *Is this a new Cold War, sir?*

THE PRESIDENT: *No, it's not a new Cold War. What it is, is a very specific issue related to Russia's unwillingness to recognize that Ukraine can chart its own path* [Statement by the President on Ukraine 2014].

Следует отметить, что речь не идет о том, что сравнение с холодной войной является просто неудобным вопросом, который в других обстоятельствах остался бы без комментария. Анализ политических текстов показывает, что тема непризнания холодной войны регулярно поднимается авторами по их собственной инициативе.

Джеймс Кэмерон: *A new Cold War "is not an outcome we believe to be inevitable — and neither is it one we seek"* [Wright 2014].

Барак Обама: *This is not another cold war that we're entering into. The United States and NATO do not seek any conflict with Russia* [Barack Obama: no cold war over Crimea].

That's the basis of the sanctions that the United States and our partners impose on Russia. It's not a desire to return to a Cold War [Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly 2015].

Вполне характерно и то, что такие суждения полностью разделяет и российская сторона:

В. В. Путин: *Мне бы не хотелось так думать, что это начало новой „холодной войны“, в этом никто не заинтересован, и думаю, что этого не случится* [Путин не видит угрозы начала новой «холодной войны» из-за Украины];

С. В. Лавров: *Я бы не стал сравнивать это с „холодной войной“* — это всё-таки другая ситуация. У нас нет никакого объективного идеологического противостояния, которое обуславливала бы возврат к чему-то вроде холодной войны [Говорить о новой «холодной войне» неуместно, считает Лавров 2015].

Как будет показано ниже, эти категорические утверждения сочетаются с резко отрицательными оценками и констатацией явно недружественных политico-экономических действий. Тем не менее едва ли правомерно делать вывод, что такое противоре-

чивое сочетание свидетельствует о неспособности политических лидеров замечать очевидное и о стремлении выдавать желаемое за действительное. По нашему мнению, сам факт такой противоречивости является вспомогательным механизмом интерпретации дипломатического дискурса, указывающим на то, что логически спорное сообщение нужно читать иначе, на уровне подтекста. Поставив перед собой задачу анализа англо-американского дискурса, хотим в то же время отметить, что внешне идентичные утверждения российских и западных политиков содержат не вполне совпадающие импликации.

Итак, анализ дискурса показывает, что дипломатические формулировки, отрицающие намерение двигаться курсом конфронтации, находятся в соседстве со смысловыми маркерами, которые, собственно, и обрисовывают контуры стратегии нового противостояния. Под смысловыми маркерами имеется в виду концептуальное содержание акцентуемых в дискурсе языковых единиц, а также подтекстовая информация, кодируемая при помощи задаваемых логикой политического контекста экстралингвистических факторов. Ключевым маркером, который используется одновременно как обоснование источника политической напряженности и как оценочный вердикт, выступает концепт агрессии. В политических текстах, критикующих позицию России, конкретизация осуждающей оценки в обязательном порядке сопровождается обвинением в агрессивных действиях. Концепт агрессии при этом получает лексическое выражение в трех характерных формах. Во-первых, в виде ключевого слова *«aggression»* и его производных:

— *Russian aggression in Europe recalls the days when large nations trampled small ones in pursuit of territorial ambition* [Obama B. 69th Session of the United Nations General Assembly Address. 2014];

— *We will impose a cost on Russia for aggression, and we will counter falsehoods with the truth* [Ibid.];

— *We're leading the international community to check Russian aggression in Ukraine* [Obama B. Year End Press Conference 2014];

— *Every member of the G7 continues to maintain sanctions on Russia for its aggression against Ukraine* [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015];

— *In response to Russia's aggressive actions to NATO's east... [NATO — OTAN. The Secretary General's Annual Report 2015];*

— *Russia has become more aggressive, authoritarian and nationalist, increasingly defining*

itself in opposition to the West [HM Government 2015].

Во-вторых, в лексических и фразеологических единицах, объединенных семантикой вооруженного нападения:

– *Russia has continued to violate Ukrainian sovereignty* [Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17. 2014];

– *...one of the rationales that Mr. Putin provided for his incursions into Ukraine was to protect Russian speakers there* [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015];

– *...these operations bear many similarities to those that were carried out in Crimea in late February and culminated in Russia's illegal military intervention* [NATO — OTAN. The Secretary General's Annual Report 2015];

– *While persisting in illegally occupying parts of Georgia, the Republic of Moldova and Ukraine, and continuing to support separatists fighting in eastern Ukraine, Russia also began a military operation in Syria* [Ibid.];

– *Over the past three years, Russia has conducted at least 18 large-scale snap exercises, ... These exercises include simulated nuclear attacks on NATO Allies* [Ibid.].

Наконец, особый вариант реализации концепта “aggression” представлен знаковой в политическом смысле лексемой «аннексия», применяемой для обозначения вхождения Крыма в состав РФ в марте 2014 г. Как следует из словарных дефиниций, оценочность слова «аннексия» тяготеет к концепту агрессии за счет ассоциативной отсылки к применению силы: *annex — to take control of a country or area next to your own, especially by using force* [Longman Dictionary of Contemporary English].

– *Consider Russia's annexation of Crimea and further aggression in eastern Ukraine* [Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly 2015];

– *These operations ...culminated in Russia's illegal military intervention and purported annexation of Crimea* [Evidence of Russian Support for Destabilization of Ukraine 2014];

– *Russia's use of force in Georgia in 2008, and again with the annexation of Ukrainian territory in March 2014, ... For the first time since the Second World War, one European country illegally annexed part of another* [NATO — OTAN. The Secretary General's Annual Report 2015];

– *...due to Russia's aggressive actions in Ukraine and its illegal annexation of Crimea, NATO suspended its practical cooperation with Russia in early 2014* [Ibid.].

Необходимо подчеркнуть, что концепт агрессии обладает специфической смыслопо-

вой емкостью, позволяющей вывести из его использования в данном политическом контексте и данном типе дискурса важные содержательные элементы — степень выраженности конфронтационной стратегии, а также четкое обозначение источника напряженности в сочетании с принципиальной оценкой политического субъекта. Импликация этих элементов опирается на знание реалий политического контекста, хорошо известных политической элите и потому не представляющих трудностей для правильного прочтения соответствующего дипломатического сигнала. Речь идет о том, что в международном политическом дискурсе обвинение государства в агрессии является характерной «черной меткой», чреватой серьезными практическими последствиями. Эта оценка не используется лишь для того, чтобы выразить декларативное моральное осуждение. Это четкий знак политического кода, указывающий на то, что у обвиненного государства в скором времени возникнут как минимум дипломатические и экономические проблемы. В случае России за этим знаком не замедлили последовать экономические санкции и ряд визово-дипломатических ограничений.

Импликация практических последствий обвинения в агрессивных действиях содержится в почти дословном повторении дефиниции агрессии ООН в резолюции 1974 г. Отрывок из резолюции ОБСЕ от 1.07 2014: *the clear, gross and uncorrected violation of the Helsinki principles by the Russian Federation with respect to Ukraine, including the particularly egregious violation of that country's sovereignty and territorial integrity* [OSCE parliamentarians approve Russia resolution amid debate on Ukraine 2014]. Определение агрессии из резолюции ООН № 3314 (XXIX): *Aggression is the use of armed force by a State against the sovereignty, territorial integrity ... of another State* [Definition of Aggression].

В сходстве этих формулировок просматривается намек на то, что обвинение в агрессии может потенциально послужить основанием для болезненных по отношению к России решений со стороны Совета Безопасности ООН. Обвинение в агрессии в дипломатическом формате является серьезной дискредитацией политического противника в глазах мирового сообщества и одновременно явным указанием на попрание принципиальных ценностей «своей» группы, если ссылаться на терминологию упоминавшихся выше признаков образа врага в дискурсе холодной войны.

Еще одной важной смысловой особенностью концепта агрессии, используемого в качестве оценки, является принципиаль-

ное свойство, которое можно назвать семантической необратимостью. Данное свойство представляет собой четкое указание на степень выраженности стратегии противостояния, которую можно по данному признаку отнести к действиям в русле холодной войны. Мы имеем в виду не только то, что использование единицы с выраженным негативным экспрессивно-оценочным потенциалом очевидным образом свидетельствует о резко отрицательном отношении. Важно то, что такое отношение содержит в себе элемент бескомпромиссности, который концептуально не может в ходе дальнейшего дипломатического диалога быть семантическинейтрализован. Поясним на примере: во время военной операции США против режима Саддама Хуссейна в Ираке 2003 г. основанием для ввода войск послужило обвинение в разработке Ираком оружия массового поражения. При всей тяжести этого обвинения с точки зрения международного права, в концептуальном отношении оказалось совершенно нетрудно нивелировать этот аргумент впоследствии, сославшись на то, что он был всего лишь ошибкой. Совершить аналогичную операцию «семантической отмены» с концептом агрессии принципиально невозможно. Объявить, что государство — лидер западного мира ошиблось, приняв за агрессию, вторжение и аннексию нечто совершенно другое, означало бы публично признаться либо в невероятной некомпетентности, либо в клеветническом умысле. Таким образом, заявив об агрессии, сторона конфликта дает понять, что речь идет о жесткой обвинительной позиции, не предполагающей последующего пересмотра — а это вполне недвусмысленный элемент политической конфронтации. Как знак дипломатического кода, обвинение в агрессии представляет собой сигнал политической необратимости.

Следующий значимый смысловой маркер, указывающий на степень остроты политического конфликта, представляет собой повторяющееся акцентирование деструктивного характера совершаемых политическим субъектом действий. Логика холодной войны предполагает причинение противнику ущерба, и описание такого ущерба становится в дискурсе холодной войны равнозначным констатации достижения успехов. Именно это свойство характерно для ряда повторяющихся пассажей в речах, в частности, президента США Б. Обамы, где детально перечисляются разрушительные результаты применения против России экономических санкций:

— Now, it's important to recognize the Russian economy has been seriously weakened. The ruble and foreign investment are

down; inflation is up. The Russian central bank has lost more than \$150 billion in reserves. Russian banks and firms are virtually locked out of the international markets. Russian energy companies are struggling to import the services and technologies they need for complex energy projects. Russian defense firms have been cut off from key technologies. Russia is in deep recession... Well, today, it is America that stands strong and united with our allies, while Russia is isolated with its economy in tatters [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015].

В данном случае особенно показательным является то, каким образом в дискурсе реализуется обусловленный дипломатическим этикетом элемент лексического смягчения жесткой коммуникативной стратегии. Общая схема таких смягчающих оговорок основывается на том, что санкции являются лишь вынужденной мерой, следовательно, в наносимом российской экономике ущербе виновно политическое руководство России, на позицию которого приходится таким образом оказывать давление:

— That's the basis of the sanctions that the United States and our partners impose on Russia. It's not a desire to return to a Cold War. ...Not because we want to isolate Russia — we don't.... Not because we're interested in hurting Russia for the sake of hurting Russia... [Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17. 2014];

— Ultimately, this is going to be an issue for Mr. Putin. He's got to make a decision: Does he continue to wreck his country's economy and continue Russia's isolation in pursuit of a wrong-headed desire to re-create the glories of the Soviet empire? [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015].

Нельзя, впрочем, не отметить, что выражаемая таким образом констатация вынужденности деструктивных действий выглядит не очень убедительно из-за использования при описании экономического ущерба России экспрессивных фразеологических сочетаний с заостренной семантикой причинения вреда (*to wreck his country's economy; hurting Russia*). Метафорический же образ российской экономики, разорванной в клочья (*economy in tatters*), напоминает и вовсе не-прикрытое злорадство. Кроме того, в высказываниях президента США встречаются индикативные суждения, из которых следует, что мишенью деструктивных действий является именно народ России:

— So Russia's actions in Ukraine are hurting Russia and hurting the Russian people [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015].

Логическая структура данного суждения ясно указывает на то, что отвечать за вызвавший санкции выбор способа действий на Украине приходится всему населению России. Прямое указание на то, что деструктивные экономические действия бьют по людям, в подавляющем большинстве не имеющим никакого отношения ни к конкретным политическим решениям правительства, ни к участию в какой бы то ни было агрессии, является признаком менталитета холодной войны, в которой любой ущерб противнику считается благом. Укажем, что данное свойство является характерным проявлением «игры с нулевой суммой», относимой исследователями к атрибутам образа врага в политическом тексте.

Наконец, смысловым маркером, указывающим на перспективы развития противостояния, выступает довольно выразительная установка на интенсификацию политико-экономической ультимативности. Представляется очевидным, что в дипломатическом дискурсе стремление или готовность к ослаблению напряженности не может сочетаться с декларированием намерений усилить давление на оппонента. Однако для анализируемого дискурса характерны высказывания, в которых подчеркивается решимость не только к продолжению, но и к дальнейшему наращиванию мер жесткого воздействия с тем, чтобы Россия заплатила «еще большую цену» за упорную неуступчивость в осуждаемых позициях (в примерах приведены суждения Б. Обамы [Statement by the President on Ukraine 2014; Obama B. 69th Session of the United Nations General Assembly Address; Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly 2015; Barack Obama: no cold war over Crimea; Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17. 2014; Obama B. Year End Press Conference 2014; Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015; Ukraine and Russia Sanctions] и Д. Кэмерона [Wright 2014]):

— *The United States has steadily increased the diplomatic and financial costs of Russia's aggressive actions towards Ukraine [Ukraine and Russia Sanctions];*

— *...Russia is isolated with its economy in tatters. That's how America leads -- not with bluster, but with persistent, steady resolve [Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address 2015];*

— *And we will continue to make clear that as Russia engages in efforts that are supporting the separatists, that we have the capacity to increase the costs that we impose on them [Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17. 2014];*

— *But we've also made it clear, as I have many times, that if Russia continues on its current path, the cost on Russia will continue to grow [Statement by the President on Ukraine 2014];*

— *...if Russia continues on its current path, then we will keep upping the pressure and Russia's relationship with the rest of the world will be radically different in the future [Wright 2014].*

Столь явно выражаемая готовность к углублению противостояния едва ли свидетельствует о настроении на скорейшее преодоление кризиса.

С помощью вышеприведенных примеров мы стремились показать, что дискурс политического кризиса отношений между Россией и Западом насыщен смысловыми элементами, указывающими на реальную «карту» конфликта, имеющего явные признаки стратегии холодной войны. Именно на этих смысловых маркерах сосредоточен информативный «центр тяжести» дискурса, содержащий описание структуры конфликта — тип и степень выраженности его стратегии, принципиальные позиции и перспективу. Дополнительным указателем на значимость этих смысловых маркеров выступает концентрация в соответствующих фрагментах текста средств выражения негативной оценки, а также «подсказок», призывающих обратить на знаковую детализацию особое внимание:

— *But we've also made it clear, as I have many times, that if Russia continues on its current path, the cost on Russia will continue to grow. And today is a reminder that the United States means what it says [Statement by the President on Ukraine 2014].*

Противоречивое сочетание смысловых маркеров холодной войны с уверенным отрицанием ее наличия, по-видимому, обладает довольно сложным имплицитивным содержанием. Мы можем предполагать, что оно содержит в себе и знак дипломатического этикета, требующий отдать должное императиву стремления к мирному разрешению конфликта, и нежелание первым озвучить отягощенный негативной оценкой термин «холодная война», взяв на себя сомнительную историческую часть декларирования нового ее начала. Но, как нам представляется, подчеркнутое отрижение сходства явно выраженной стратегии конфронтации с холодной войной является также предупреждающим сигналом о том, что это просто еще не холодная война, что субъект конфликта пока демонстративно воздерживается от каких-то более серьезных и труднообратимых действий, по сравнению с которыми

нынешняя напряженность является еще «холодным миром».

В заключение мы хотим еще раз подчеркнуть, что не ставили перед собой задачу проникнуть в истинный ход мыслей западных политических лидеров и каким-либо образом поставить им психолого-политический диагноз. Наша цель состояла в том, чтобы лингвистически выявить те смысловые элементы дискурса, содержание которых характерно для коммуникативной стратегии долгосрочной конфронтации, являющейся неизменным атрибутом идеологической составляющей холодной войны. Оценка же степени искренности политических высказываний выходит за пределы возможностей лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 88—125.
2. Говорить о новой «холодной войне» неуместно, считает Лавров // РИАНовости. 2015. 29 мая. URL: <http://ria.ru/politics/20150529/1067212530.html#ixzz3yTJEvIMr> (дата обращения: 01.2016).
3. Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или Речевая стратегия дисcredитации // Вестн. Омского ун-та. 1997. Вып. 2. С. 51—54.
4. Клушина Н. И. Образ врага: о военной риторике в мирное время // Русская речь. 2006. N 5. С. . 79—87.
5. Посол США Джон Тифт: «То, что происходит на Украине — ужасно» // МК.ru. 2015. 15 июля. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/07/08/posol-ssha-dzhon-tefft-to-chto-proiskhodit-na-ukraine-uzhasno.html> (дата обращения: 01.2016).
6. Путин не видит угрозы начала новой «холодной войны» из-за Украины // Forbes. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=258313> (дата обращения: 01.2016).
7. Путин: «Холодная война» закончилась, но не завершилась заключением мира // РИА Новости Украина. 2014. 24 окт. URL: <http://rian.com.ua/video/20141024/358703425.html> (дата обращения: 01.2016).
8. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса : пер. с англ. — Харьков : Гуманитарный Центр, 2009. 356 с.
9. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. 248 с.
- Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М. : Локид-Пресс : Вадим Серов, 2003.
10. Barack Obama: no cold war over Crimea // The Guaedian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/26/obama-no-cold-war-crimea> (дата обращения: 01.2016)
11. Beck Ulrich. The Sociological Anatomy of Enemy Images: The Military and Democracy after the End of the Cold War // Enemy Images in American History / ed. by Ragnhild Fiebig-von Hase and Ursula Lehmkuhl — Providence ; Oxford, 1997.
12. Definition of Aggression // Human Rights Library. URL: <https://www1.umn.edu/humanrts/instree/GAres3314.html> (date of access: 01.2016).
13. Evidence of Russian Support for Destabilization of Ukraine / U. S. Department of State. 2014. 13 Apr. URL: <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2014/04/224762.htm> (date of access: 01.2016).
14. HM Government. National Security Strategy and Strategic Defense and Security Review. 2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (date of access: 01.2016).
15. Longman Dictionary of Contemporary English <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
16. NATO — OTAN. The Secretary General's Annual Report. 2015. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160128_SG_AnnualReport_2015_en.pdf#page=7 (date of access: 01.2016).
17. Obama B. 69th Session of the United Nations General Assembly Address // American Rhetoric. 2014. 24 Sept. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaunitednations69.htm> (date of access: 01.2016).
18. Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address // American Rhetoric. 2015. 20 Jan. <http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2015.htm> (date of access: 01.2016).
19. Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17 // American Rhetoric. 2014. 18 July. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaflightmh17.htm> (date of access: 01.2016).
20. Obama B. Year End Press Conference // American Rhetoric. 2014. 19 Dec. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamafinal2014presser.htm> (date of access: 01.2016).
21. Orwell G. You and the Atomic Bomb. URL: http://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb (date of access: 01.2016)
22. OSCE parliamentarians approve Russia resolution amid debate on Ukraine. 2014. 1 July // OSCE. URL: <http://www.osce.org/pa/120666> (date of access: 01.2016)
23. Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly // The White House. 2015. 28 Sept. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly> (date of access: 01.2016).
24. Spillmann K. R., Spillmann K. 1997. Some Sociobiological and Psychological Aspects of “Images of the Enemy” // Enemy Images in American History / Ed. by Ragnhild Fiebig-von Hase and Ursula Lehmkuhl. — Providence ; Oxford, 1997
25. Statement by the President on Ukraine // The White House. 2014. 29 July. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/07/29/statement-president-ukraine> (date of access: 01.2016).
26. Ukraine and Russia Sanctions / U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/e/eb/tfs/spi/ukrainerussia/> (дата обращения: 01.2016)
27. Wright O. Cameron would be prepared for ‘new cold war’ with Russia if Putin continues on ‘current path’ with Ukraine // Independent. 2014. 11 Nov. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/cameron-would-be-prepared-for-new-cold-war-with-russia-if-putin-continues-on-current-path-with-9852707.html> (date of access: 01.2016).

A. M. Pogorelko, T. N. Gerasina
Ufa, Russia

CONCEPTUAL MARKERS OF THE COLD WAR DISCOURSE

ABSTRACT. The article is devoted to revealing the means of realizing the ideological Cold war strategy in the contemporary Western political discourse. The study is based on the analysis of official statements of Western political leaders describing and evaluating Russia's recent political actions. The aim of the research consists in exposing the meanings of political definitions implicating the essence, tension degree, and prospects of the actual ideological confrontation strategy. The discourse of political tension that has acquired its specific shape since 2014, contains marked properties of the communicative confrontational strategy meeting the characteristic criteria of the Cold war ideology. Such properties are revealed via political code markers functioning as a combination of the conceptual content of repeatedly emphasized lexical units with the subtextual information based on the knowledge of political context. A special type of the political code is exemplified by the deliberate logical contradiction between the explicit refusal to acknowledge the Cold war recurrence and the pronounced negative colouring of the diplomatic statements. The implicative potential of the code is realized in the disguising medium of diplomatic rhetorical means which transform the formal contradiction into a delicate sign for the political adversary.

KEYWORDS: cold war; conceptual markers; diplomatic discourse; political code.

ABOUT THE AUTHOR: Pogorelko Alexander Mikhailovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Bashkir State University, Ufa, Russia.

ABOUT THE AUTHOR: Gerasina Tatyana Nikolayevna, Senior Lecturer, Department of General and Professional Education, Ufa Railway Institute, Ufa, Russia.

REFERENCES

1. Blakar R. M. Yazyk kak instrument sotsial'noy vlasti // Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya. — M., 1987. C. 88—125.
2. Govorit' o novoy «kholodnoy voynе» neumestno, schitaet Lavrov // RIANovosti. 2015. 29 maya. URL: <http://ria.ru/politics/20150529/1067212530.html#ixzz3yTJEvIMr> (data obrashcheniya: 01.2016).
3. Issers O. S. Pasha-«Mersedes», ili Recheyaya strategiya diskreditatsii // Vestn. Omskogo un-ta. 1997. Vyp. 2. S. 51—54.
4. Klushina N. I. Obraz vraga: o voennoy ritorike v mirnoe vremya // Russkaya rech'. 2006. N 5. S. 79—87.
5. Posol SShA Dzhon Tefft: «To, chto proiskhodit na Ukraine — uzhasno» // MK.ru. 2015. 15 iyulya. URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/07/08/posol-ssha-dzhon-tefft-to-cto-proiskhodit-na-ukraine-uzhasno.html> (data obrashcheniya: 01.2016).
6. Putin ne vidit ugrozy nachala novoy «kholodnoy voyny» iz-za Ukrayny // Forbes. URL: <http://m.forbes.ru/article.php?id=258313> (data obrashcheniya: 01.2016).
7. Putin: «Kholodnaya voyna» zakonchilas', no ne zavershilas' zaklyucheniem mira // RIA Novosti Ukraina. 2014. 24 okt. URL: <http://rian.com.ua/video/20141024/358703425.html> (data obrashcheniya: 01.2016).
8. Ticher S., Meyer M., Vodak R., Vetter E. Metody analiza teksta i diskursa : per. s angl. — Xar'kov : Gumanitarnyy Tsentr, 2009. 356 s.
9. Chudinov A. P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii : monogr. / Ural. gos. ped. un-t. — Ekaterinburg, 2003. 248 s. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. — M. : Lokid-Press : Vadim Serov, 2003.
10. Entsiklopedicheskiy slovar' krylatykh slov i vyrazheniy. — M. : Lokid-Press : Vadim Serov, 2003.
11. Barack Obama: no cold war over Crimea // The Guaedian. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/mar/26/obama-no-cold-war-crimea> (дата обращения: 01.2016)
12. Beck Ulrich. The Sociological Anatomy of Enemy Images: The Military and Democracy after the End of the Cold War // Enemy Images in American History / ed. by Ragnhild Fiebig-von Hase and Ursula Lehmkuhl — Providence ; Oxford, 1997.
13. Definition of Aggression // Human Rights Library. URL: <https://www1.umn.edu/humanrts/instree/GAres3314.html> (date of access: 01.2016).
14. Evidence of Russian Support for Destabilization of Ukraine / U. S. Department of State. 2014. 13 Apr. URL: <http://www.state.gov/t/pa/prs/ps/2014/04/224762.htm> (date of access: 01.2016).
15. HM Government. National Security Strategy and Strategic Defense and Security Review. 2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/Strategic_Defence_and_Security_Review_2015.pdf (data of access: 01.2016).
16. Longman Dictionary of Contemporary English <http://www.ldoceonline.com/dictionary/>
17. NATO — OTAN. The Secretary General's Annual Report. 2015. URL: http://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2016_01/20160128 SG_AnnualReport_2015_en.pdf#page=7 (date of access: 01.2016).
18. Obama B. 69th Session of the United Nations General Assembly Address // American Rhetoric. 2014. 24 Sept. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobama-unitednations69.htm> (date of access: 01.2016).
19. Obama B. Sixth Presidential State of the Union Address // American Rhetoric. 2015. 20 Jan. <http://www.americanrhetoric.com/speeches/stateoftheunion2015.htm> (date of access: 01.2016).
20. Obama B. Statement on the Downing Malaysia Airlines Flight 17 // American Rhetoric. 2014. 18 July. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamaflightmh17.htm> (date of access: 01.2016).
21. Obama B. Year End Press Conference // American Rhetoric. 2014. 19 Dec. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/barackobama/barackobamafinal2014presser.htm> (date of access: 01.2016).
22. Orwell G. You and the Atomic Bomb. URL: http://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb (date of access: 01.2016)
23. OSCE parliamentarians approve Russia resolution amid debate on Ukraine. 2014. 1 July // OSCE. URL: <http://www.osce.org/pa/120666> (date of access: 01.2016)
24. Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly // The White House. 2015. 28 Sept. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly> (date of access: 01.2016).
25. Spillmann K. R., Spillmann K. 1997. Some Sociobiological and Psychological Aspects of “Images of the Enemy” // Enemy Images in American History / Ed. by Ragnhild Fiebig-von Hase and Ursula Lehmkuhl. — Providence ; Oxford, 1997
26. Statement by the President on Ukraine // The White House. 2014. 29 July. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/07/29/statement-president-ukraine> (date of access: 01.2016).
27. Ukraine and Russia Sanctions / U. S. Department of State. URL: <http://www.state.gov/e/eb/tfs/spi/ukrainerussia/> (дата обращения: 01.2016)
28. Wright O. Cameron would be prepared for ‘new cold war’ with Russia if Putin continues on ‘current path’ with Ukraine // Independent. 2014. 11 Nov. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/politics/cameron-would-be-prepared-for-new-cold-war-with-russia-if-putin-continues-on-current-path-with-9852707.html> (date of access: 01.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. С. В. Иванова.